

начинаетъ уже самъ называть себя тѣми словами, за которыя прежде оскорблялся на другихъ, начинаетъ самъ осуждать себя за свою дурную, не христіанскую жизнь, самъ бичуетъ себя, самъ „оплевываетъ“ себя, самъ распинаетъ свои страсти и похоти, самъ побѣждаетъ себя; ибо все прежнее грѣховное и гадкое только теперь стало для него таковымъ: гадкимъ и отвратительнымъ. Только теперь онъ открывается предъ духовникомъ, кто онъ такой и на какія дурныя дѣйствія онъ способенъ. Вотъ что приблизительно онъ говоритъ: „До сихъ поръ ты и другіе меня считали добрымъ христіаниномъ: благочестивымъ, вѣрующимъ, добродѣтельнымъ, милосерднымъ, честнымъ, образцовымъ семья-ниномъ. Но на самомъ дѣлѣ я вовсе не такой: я величайшій грѣшникъ, который недостоинъ даже называться и именемъ христіанина; я былъ почти невѣрующимъ и кощунствовалъ, я гордъ, тщеславенъ, высокомѣренъ, властолюбивъ; я не только никому не помогалъ, но я обкрадывалъ нищихъ, служа въ bla-готворительныхъ учрежденіяхъ, я разбогатѣлъ чрезъ то, что отравилъ ядомъ своего благодѣтеля, я обидѣлъ многихъ сиротъ и бѣдняковъ и заставилъ ихъ цѣлый вѣкъ плакаться на меня, я развратникъ, для меня нѣтъ ничего святаго“... Какой внутренней борьбы, тяжелой и продолжительной, стоило человѣку такое чистосердечное раскаяніе! Но этого мало, осудивъ свою грѣховную жизнь, кающійся долженъ выскажать предъ священникомъ твердое и рѣшительное намѣреніе оставить эту жизнь и начать новую, согласную съ волею Христа. Наконецъ, онъ долженъ выскажать еще и свою живую, пламенную вѣру въ безграничное милосердіе Божіе... Въ душѣ истинно кающагося человѣка, уже нѣтъ мѣста ни для гордости, ни для самонадѣянности; у него есть только одно *смирение*, открывшее къ его сердцу путь царствію Божію чрезъ принесенное раскаяніе; ему даровано драгоцѣнѣйшее сокровище—вѣра въ любвеобильнаго Бога Отца, раскрывающаго объятія блудному сыну,—вѣра, не допустившая его до отчаянія и погибели и вселившая въ него надежду на безконечное милосердіе Божіе. Хотя онъ и величайшій грѣшникъ, но Христосъ умеръ и за его грѣхи; любовь Божія обильнѣе грѣховъ не только его, но и всего рода человѣческаго. Онъ вѣрюетъ, что проститъ его Спаситель—другъ